

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ОРЛОВА

РОМАНЫ

Альтист Данилов
Аптекарь
Шеврикука, или о Любви к привидению
Солёный арбуз
После дождичка в четверг
Происшествие в Никольском
Бубновый валет
Камергерский переулок
Лягушки
Земля имеет форму чемодана

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Что-то зазвенело
Трусаки
Субботники
Лоскуты необязательных пояснений,
или Хрюшка улыбается
Лучшие довоенные усы
Истощение времени, или Сведения об участии
кота Тимофея в государственном перевороте

ЭССЕ И ЗАМЕТКИ

И наступило — «после войны»...
Романтика латиноамериканской прозы
Распяtie и воскресение Татьяны Назаренко
Далеко ли поплыли каравеллы
Таинственный мир Натальи Нестеровой
Автобиографические заметки
О себе

ВЛАДИМИР

ОРЛОВ

Истощение времени

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
О-66

Серия «Бестселлеры Владимира Орлова»

Дизайн обложки – Василий Половцев

В оформлении используется фото «Владимир Орлов» Юрия Роста

Предисловие Лидии Орловой

Орлов, Владимир Викторович.

О-66 Истощение времени, или Сведения об участии кота Тимофея в государственном перевороте; Соленый арбуз : Сборник/ Владимир Орлов. – Москва: АСТ, 2015. – 318, [2] с. – (Бестселлеры Владимира Орлова)

ISBN 978-5-17-087589-4

Это непростая книга, как и все творчество Владимира Орлова. Его книги не только переведены на многие языки мира, но и по праву стали классикой современной художественной литературы («Альтист Данилов», «Аптекарь», «Бубновый валет», «Происшествие в Никольском» и др.). Многие из них экранизированы, другие ждут своего часа.

В эту же книгу вошел первый роман «Соленый арбуз» и последняя повесть «Истощение времени». Здесь и фантазматика, к которой автор прибегал на протяжении всего своего творческого пути, и реальность, ведь не секрет – он всегда говорил только правду.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Орлов В. В., наследники, 2015
© Орлова Л. В., предисловие, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Сведения о том, как кот Тимофей участвовал в государственном перевороте, никогда раньше опубликованы не были. И не потому, что Орлов берег их для какого-то особого случая и теперь этот момент настал. Просто примерно в это время он начал писать еще и «Прогулки тараканов», и нельзя было сказать, что он кончит раньше: историю кота, которого он очень любил, или тараканьи путешествия, которые — надо признать — его тоже занимали... Так получилось, что небольшая повесть о коте Тимофее — и не только о нем — оказалась последней в творчестве Владимира Орлова. «Истощение времени» — так назвал мой муж эту повесть, и он, как всегда, говорил правду. Я знала об этом. Времени оставалось все меньше. На «Прогулки тараканов» его просто не хватило...

У Орлова была одна особенность: едва закончив один роман, он тут же начинал новый. Не делая пауз и перерывов. Почему? У меня есть предположения на этот счет, но пока я не готова о них говорить...

А вот почему в одном сборнике с последней орловской повестью оказался его первый роман «Соленый арбуз», думаю, нужны пояснения.

Опубликованный пятьдесят два года назад, роман Орлова отличался удивительно светлым взглядом на мир. Его главный герой по прозвищу Букварь воспринимал все происходившее с ним, как некую историю, которая имеет обязательно счастливый конец. Даже если пока тот, кого ты

любишь, на тебя внимания не обращает, а тот, кто должен жить долго-долго, погибает, и соленый арбуз, как некий символ счастья, никак не дается в руки... Роман был очень популярен, его много издавали — в особенности за рубежом.

Орлову повезло — он нашел своего героя. Букварь — знаток азбучных истин, который хотя и принимает их, но время от времени ставит под сомнение. Это его положительный герой, который потом в разных облициях и с разными взглядами на мир, будет жить в его романах. Он прост и сложен одновременно, потому что так устроена жизнь. А к жизни Орлов всегда относился с особым вниманием, это главный предмет его изучения. Почти в каждом его романе, начиная с «Соленого арбуза», есть город с большим или великим прошлым, как Суздаль, например. И прошлое, и будущее одинаково тревожно будоражат Орлова, заставляют задуматься о том, что было не так в ожидаемом нами будущем, как это все изменится и изменится ли.

Мы ищем ответы на свои вопросы в разных произведениях Орлова. В «Альтисте Данилове», «Камергерском переулке», «Аптекаре» и «Шеврикуке...», которого если и можно сейчас купить, то разве что на мало кому известном сайте «Нигде не купишь»... Стил, в котором долгие годы работал Орлов, называется магическим реализмом, и в этом тоже кроется загадка, как и во всем его творчестве.

Пусть эта книга, в которой его первый роман соседствует с последней написанной им повестью, будет для кого-то открытием в мир, который лежит за границами этого сборника.

Лидия Орлова

ИСТОЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ,

*или Сведения об участии кота Тимофея
в государственном перевороте*

1

Сведения... Как сейчас помню... Написал и задумался. Вроде бы есть в ходу такое выражение. К языкам прилипло. И к мозгам. Но что оно значит? Надо понимать, буквально трактованное, — «как сейчас помню» — полная бессмыслица. Или бахвальство. Мол, такая у меня замечательная память (и не извольте оспаривать!), что всё рассказываемое мною — достоверно, будто происшествие случилось на моих глазах и сейчас. Но тогда выпадает из смысла «сейчас». Однако в нашем эпизоде было именно «сейчас». То есть мои сны о произошедшем ровно двадцать два года назад пошли с совпадением событий календарных дней давно отшумевшего исторического происшествия. Но не о снах речь.

2

В первый из тех дней я был разбужен котом Тимофеем. Мы проживали с Тимофеем вдвоём на даче. Жена и сын трудились в Москве. Занятия в Институте начинались в октябре. Можно было ещё полтора месяца писать «Шеврику...», книжки почитать и ходить по грибы. Ночь накануне вышла тёплой. Под двадцать градусов. Не пришлось включать обогреватель. Но небо нынче по утру было в пасмури. И капал дождь. Вылезать из-под одеяла было лень. Но на крыльце кухни уже сидел кот Тимофей и требовательно поглядывал на террасу нашего щитового домика. Да-

чей домик назывался (нами) лишь с наглой долей преувеличения. На участках садово-огородных товариществ, в Садах, большие строения ставить идеологически не позволялось. Сарай при огороде для хранения инвентаря, и достаточно. Тимофей, если не соизволял ночевать под крышей, являлся доложиться, что он тут, семейно послушен, за ночь не пропал, и достоин в семь часов утреннего кормления. Я встал, с террасы дошёл до кухни, выдал Тимофею порцию мяса (съедена она была моментально), и кот пушистым боком и поднятым хвостом своим как бы погладил мою ногу, но в дом идти не пожелал, а отправился в сторону леса продолжать вольную жизнь. Я же, удивившись теплыни августовского пасмурного дня, поспешил на террасу под одеяло, я — сова, и мог позволить себе поваляться в дремоте, как бы обдумывая что-то важное.

Но не поспешил. Меня остановил странный звук. То есть не то чтобы странный. И мне, пожалуй, известный. Это был не хоровой звук дождя. Это был гул. И издавали его в километрах севернее нас металлические машины. Вспомнилось. Год назад похожий гул в посёлке был услышан. Выяснилось: по шоссе в сторону Белых Столбов и далее перегоняли караван комбайнов к местам уборочных работ. Нынче — по календарю — движение комбайнов было бы вполне уместным. Другое дело, показалось мне, машины шли из села Троицкого в направлении Симферопольского шоссе. И гул происходил от них, пожалуй, зловещий. Но мало ли что может услышаться или увидеться спросони? А потому — из-под капель дождя, пусть и тёплых, сейчас же — под одеяло!

Проснулся я лишь в половине двенадцатого. Лодырь и лежебока! Кот Тимофей на крыльце кухни не сидел. И гул (или даже скрежет) металлических машин мною услышан не был. Да и выходило, что я о нём забыл.

По привычке включил телевизор. На экране вместе с трагической Одеттой на берегу озера печалились большие белые птицы из её окружения. Это меня насторожило. Время было не балетное. Перепрыгнул на другую программу. И там — «Лебединое озеро»! Ну, хоть «Щелкунчиком» укра-

силы бы экран. Поискал свежую информацию в волнах вэфовского приёмника. Всюду музыка Петра Ильича. Лишь в двенадцать часов движение лебедей (выяснилось позже, что на время) прекратилось, и на экране за стол уселись несколько озабоченных и серьёзных мужчин. Были произнесены слова о чрезвычайном положении. А главное — в центре стола с серьёзными мужчинами я увидел Гену Янаева.

3

То есть за годы редких встреч с ним он лишь однажды предложил мне называть его Геной. Потом необходимость в этом отпала. Янаев всё более важнел и важнел и просто Геной быть уже не мог.

4

Я отправился поездом в город Горький. Всегда возмущался переименованием славного Нижнего Новгорода. Монаршим одарением шубы из соболей на худые плечи «пролетарского» писателя. А что было бы, если бы Алексей Максимович Пешков придумал себе псевдоним «Кислый»? Или «Солёный»? Или «Вонючий»? Или остался при своём самарском псевдониме — «Иегудиил Хламида»? Как бы назывались тогда горьковчане? Впрочем, в поезде ворчал я недолго... На Казанском вокзале мне повезло. В газетном киоске я углядел осенний номер (единственный экземпляр!) журнала «Москва» с первой частью «Мастера и Маргариты». В городе добыть публикацию романа Булгакова не удалось. В минуту расхватили! На вокзале же, понятно, большинству путешественников было не до бумажных раскладов, главное — узнать, на какой путь им нестись в толчее и куда тащить набитые в столице сумки. Я же в предвкушении удовольствия не спеша отправился в свой вагон. И открыл роман Михаила Афанасьевича.

5

А ехал я в Горький на конкурс спортивных бальных танцев.

6

Тогда я работал в Молодёжной Газете корреспондентом отдела Культуры и Быта. Круг интересов отдела (и моих) был чрезвычайно широкий. При этом мы готовили и печатали материалы не холодно-информационные, а, как говорили, — остро-проблемные. За что-то важное для молодёжи боролись. Что-то отстаивали. Скажем, отстаивали драгоценное наследие Отечества — памятники истории и культуры, попавшие в немилость Никиты Сергеевича Хрущёва. И это дело, поверьте мне, было в те времена рискованным. Во всяком случае, выгод не приносящим...

7

Рассказчик, спросите вы, а куда девались из вашей болтовни кот Тимофей и Янаев? Причём тут спортивные бальные танцы?

8

Дойду и до бальных танцев...

9

Мало кто помнит (или знает), о том, что после Войны, в конце сороковых годов, репрессии навалились на порождения городов Жёлтого Дьявола — джаз и музыку Толстых.

Оркестры («космополитские») были разогнаны, иные их артисты, в их числе и блестящий Эдди Рознер, попали в лагерь. Запретили всяческие вредные танцы — фокстроты, танго, квикстэпы, румбы, и уж тем более — безнравственный буги-вуги, пощадили лишь вальс (венский), не убирать же вальсы из знаменитых балетов и опер. Написанная в ритме фокстрота «Катюша» была срочно упрятана под покров благонадёжного вальса. Практически наказан за провинность был фильм «Весёлые ребята». Мелодии из него звучали из репродукторов, а увидеть картину было невозможно, если только на экранах окраинных неподнадзорных клубов. И мы, послевоенные мальчишки, вынуждены были ощутить всю серьёзность государственной заботы о вкусах юного поколения. Гордостью нашей школы был «КЮМ» — Клуб Юных Мастеров. Усердиями его умельцев, в их числе и моего одноклассника Рудика Вегенера, была создана школьная радиостанция. И меня (в седьмом, что ли, классе или в восьмом, тогда я тянул стенгазету) назначили председателем радиокomiteта. Для служебных нужд нас снабдили двумя пластинками. Одной, для проб свойств звука — отчего-то «Еврейской комсомольской» И. Дунаевского, «у рыбалки, у реки тянут сети рыбаки...». И конечно, на большом виниловом круге нам доверили Гимн, в двух вариантах — с текстом и без текста. Заметки школьной газеты мы зачитывали во время больших перемен. Законы жанра требовали для них музыкального оформления. Или хотя бы музыкальных перебивок. Но не устраивать же перебивки из шлягеров тех лет — «Каким ты был, таким остался...» или «Белая берёза»? И я носил пластинки из дома. Как правило, довоенные. И именно — танго и фокстроты. И вот однажды во время выпуска газеты в нашу «рубку» с криком ворвался Е. С. Евгений Семёнович, фронтовик, создатель Клуба Юных Мастеров. Первым делом он разбил об угол стола пластинку, то ли танго «Дождь идёт», то ли румбу «Кукарача». А потом перешёл на брань и угрозы. Смысл его криков сводился к одному. Негодяи бессовестные, подпольщики, если ваше хулиганство повторится, из школы будете выгна-

ны с волчьим билетом, даю слово! Мы что-то промямлили с Рудиком, а когда Е. С. дверь захлопнул, я и звукорежиссёр обиженно переглянулись.

— А давай попробуем... — сказал Рудик.

Пробу мы произвели сейчас же сгоряча и по дурости, будто не соображая, чем она может закончиться для нас и для родителей. В своё время, осваивая аппаратуру, Рудик запустил диск с Гимном «задом наперёд», и вызвал странный эффект. Государственный марш с хоровым пением Ансамбля Александрова превратился в подобие танго, зазвучавшее на неведомом языке. Уважаемый Е. С., видимо, не спешил спуститься в подвал «КЮМа», а поджидал. И дождался. Новый его визит вышел совсем свирепым. На нас с Рудиком он не взглянул, а сразу же выхватил из-под адаптера большую пластинку, швырнул её на пол и принялся топтать ногами.

— Я вас предупреждал! — услышали мы. — Сейчас же иду к директору! Даже в лучшем для вас исходе, подыскивайте себе новые школы!

— Евгений Семёнович, а что мы такое сделали? — удивился Рудик. — Вы хоть взгляните на то, что разбили и начали топтать ногами...

Евгений Семёнович взглянул. И ужаснулся. А мы испугались. Как бы не хватил Е. С. удар. И было отчего. Под его ногами среди осколков пластинки на уцелевшем красном кружочке значилось, что это Гимн Советского Союза в исполнении оркестра под управлением А. Гаука и Ансамбля Александрова. С Е. С. случилась истерика. Он-то был из взрослой жизни и прекрасно знал, какие могли быть для него последствия произошедшего. Да что значит — «могли»? Они были неизбежны! Мы о них и не догадывались. О следующих минутах нашей «пробы» вспоминать стыдно. Фронтвик, дважды раненный, готов был валяться в ногах у легкомысленных подростков, вымаливая у нас обещание молчать и о случившемся забыть. Мы тут же обещание дали (и оно было искренним), правда, рассказать Е. С. о том, что произошло на самом деле, не отважились. Однако вряд ли что-либо от нашего признания изменилось бы (Это соображение уже сегодняшнее...). А тогда... В нашей радиорубке имелась кор-

зинка для бумаг и веник, мы быстро сгребли осколки битых пластинок, и в корзинке румба «Кукарача» породнилась с Гимном Советского Союза. Удручённо-мрачный, с корзинкой в руке уходил от нас Евгений Семёнович. Нам было жалко его. И сами мы опечалились. Уже у двери Е. С. обречённо махнул рукой и произнёс: «Да крутите вы свои пластинки...»

10

Кот Тимофей из леса не возвращался. То ли вредничал. То ли в предчувствии бед (остро-чувющее или мистическое существо) ушел от людей с намерением пережить в лесу события и опасности очередного смутного времени. А без него отправиться в Москву я не мог. Мало ли что. Может, и возвращаться на дачу не придётся. А бросать кота, чуть ли не члена семьи, было бы подлостью. Но и добираться в Москву с котом на руках вышло бы делом затруднительным. Тимофей весил четырнадцать килограммов. А никакой сумки, подходящей для перевозки свободолюбивого и беспокойного зверя, на даче не было. Не волочь же Тимофея до Москвы в рогожном мешке для картошки. А самое существенное было вот что. Я и представления не имел о том, что такое чрезвычайное положение. Какие у него требования, батоги и шестопёры. Может, и поездки с котами были нынче запрещены. Кстати, а ходили ли вообще сегодня в сторону Москвы автобусы и электрички? Знать этого я не мог... Фантазии создавали картины самые зловещие. Да и чего можно было ожидать от обстоятельств нашей жизни? Ко всему привыкли... Ни одна машина за день в посёлок из Москвы не прикатила. И что происходило сейчас с женой и сыном, было мне неизвестно. Оставалось ждать определённости, нервничать и надеяться...

11

А кот Тимофей, стервец, и не думал выбираться из леса...

12

Я же некогда ехал в город Горький на конкурс бальных танцев.

13

Мои пластинки, из домашней фонотеки, разбитые Евгением Семёновичем, были для нашей компании чуть ли не драгоценными. Мы созревали, были старательными школярами, занимались спортом, влюблялись, учились под патефон танцевать в комнатухах коммунальных квартир. Иногда по просьбе жаждущих я выносил патефон во двор, ставил там его на табуретку, ассистенты из малокососов отвечали за сохранность пластинок и патефона. Дворы были тогда неасфальтированные, со вмятинами и с земляными вздутиями, но это дворовым танцам не мешало. В учителях же танцев у нас оказывались родственники и знакомые немногим старше нас, доморощенные, можно сказать, спецы хореографии. Конечно, имелись и Школы танцев. Но за занятия в них надо было платить. Да и что в них разучивали? Совершенно не нужные в наших коммуналках полонезы, краковяки и мазурки (ну, для суворовцев с холлами в их училищах, почти залами, они может быть ещё и подошли бы) и какие-то диковинные новоизобретения, вроде «Танца конькобежцев» или «Падеспани» и «Падекатра». Что такое «Танец конькобежцев», я и знать не знал, и знать не хотел. Да и что делать конькобежцам на паркете или на дворовой траве? Вот и обходились мы довоенными изделиями Коломенского завода, редкими подачками гэдээровских или пражских музыкантов (оркестр Влага), топтались под них, а летом резвились на дачных танцплощадках, заведённые ритмами шлягера с плёнки «на костях» — «Истамбул Константинопольс»...

14

И вдруг...

15

И вдруг на прилавках музыкальных магазинов появились запрещённые танцы. Любезные нам «Рио Риты», «Мама Инее», «Девушка играет на мандолине» («На далёком севере эскимосы бегали... за моржой...» — в обиходе), «Чай вдвоём», «Три поросёнка» и прочие, и прочие... Правда, прежние титулы им не вернули, а простенько обозначили на этикетках — «быстрый танец» (фокстрот, чарльстон, пасодобль) и «медленный танец» (танго, вальс-бостон и др.). Но и этого было достаточно. Поговаривали, что запреты на музыку Толстых отменил новый министр культуры Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. На моей памяти в двадцатом веке в обстоятельствах эпохи это был наиболее интересный министр культуры. Не в пример звёздно-лицемерной Фурцевой или полуграмотному дураку Демичеву, принявшемуся в угоду фаворитке разваливать Большой театр. Этих мне приходилось наблюдать... (И тут я позволяю себе высказать свои личные впечатления, и никого другого.) Пономаренко был не из подхалимов и циников, знал цену людям, в Войну командовал всем партизанским движением, получил звезду Героя Советского Союза и, будучи членом Политбюро, по легенде, вполне мог надерзить вздорному нередко Хрущёву. И тот отправил его от серьёзных дел «на культуру»... И слава Богу.

16

Стало темнеть. Ясности не добавилось. А тревога усилилась. Немногие допущенные цензурой, ясно, что политической, кадры по ТВ только пугали. Танки, бронетранспортёры. Не их ли гул и скрежет был услышан по утрам? Как будем жить дальше? Голоса радиостанций слились в один неприятный Голос надзирателя, будто он остался единственным Голосом в нашей стране (или даже в целом мире), и своими короткими сообщениями-повторами ничего хорошего никому не обещал. Но предупреждал о переменах. И кулаком